

Хотя, если критично присмотреться к высокой фигуре с трубкой, то признаки набегающих лет все же можно обнаружить. Например, седину в бороде. Это есть, потому что не подкрашивает. А вот бес в ребро — это проблематично. Григорий Израильевич — на редкость чистый и светлый человек. Его каким-то странным образом не коснулся профессиональный цинизм, и он не держит бойцовскую стойку при столкновении с жизнью.

Большой. Шумный. С трубкой. И никаких ярких пиджаков. В творческой толпе он выделяется другим — невероятным остроумием и иронией, никогда не переходящей в сарказм. Вот приехал писатель Горин в Нижний Новгород и первым делом увидел растяжку с текстом: "Нижегородцы поддерживают Горина". "Молодцы нижегородцы", — подумал писатель, но потом выяснил, что местные жители — поклонники не литературы, а кандидата в мэры. Тогда Григорий Израильевич сказал кандидату сакраментальную фразу:

— Моя фамилия вам поможет, но отчество, боюсь, скомпрометирует.

Фразы, вылетевшие из-под его пера, быстро обрастают крыльями и используются в любых ситуациях как: а) шутка, б) спасательный круг. "Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением": А теперь посмотрите в телевизор на мужей, изображающих из себя особо важных персон, и пожалейте эту пыжающую особу.

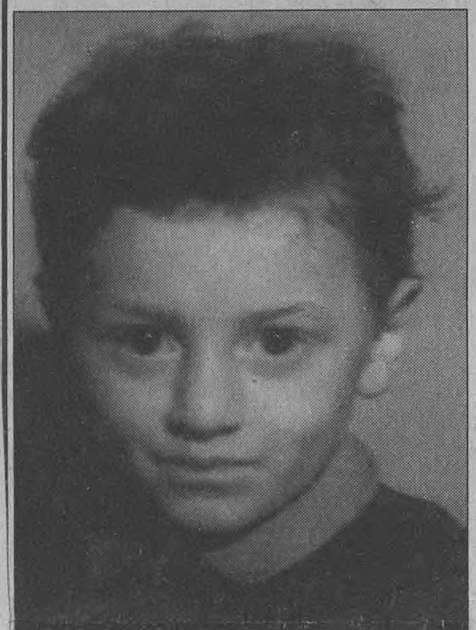
Кстати, о политической и властной особи. Писатель Горин не приближается к ней, ибо как бывший доктор давно понял, что патология личности чрезвычайно опасна для окружающих. Про что, собственно, и написал в последней пьесе "Шут Балакирев".

Он не выносит банальностей ни в искусстве, ни в жизни. Он знает формулу любви, но герои его пьес не целуются, как все нормальные люди, и не объясняются в любви посредством привычного словесного набора: "Я тебя люблю, ты меня тоже люби". Ни-когда! "Ненавижу, стерва!" — с обожанием говорит король Генрих возлюбленной в "Королевских играх". А любовную сцену в "Чуме на оба ваши дома" отправляет не куда-нибудь, а в монастырь, где с его авторского благословения совершается красивое грехопадение.

Вообще, его пьесы и сценарии можно рассматривать как учебное пособие по индивидуальному стилю жизни. Как писатель Горин пишет, так человек Горин и живет. Свадебную дату отмечает там, где заключаются браки, — на небесах. От юбилея сбегает за океан — к папе.

Завтра Григорию Горину стукнет 60 лет. В это ну никто не верит. "Как? Уже 60?" — переспрашивают, пытаются соединить неприятную цифру с его жизнерадостным обликом. И дело, наверное, даже не в жизнерадостности, а в том, что у сатириков вообще возраста не бывает. Люди, высекающие из публики смех, вне возрастных категорий.

Москва, Комсомолес — 2000 — 11 марта — С. 2

Написав 15 пьес, десяток книжек и столько же киносценариев, Горин резко ушел в Интернет, и есть подозрение, что не вернулся. Так он стал электроником. О продвинутой жизни писателя в средствах массовых коммуникаций читай ниже. Пока же вернемся в невидимые времена, где 11-летний Гриша Офштейн (Горин) отдавал

Первые поклоны

Тогда он еще не был никаким писателем, а числился в юных вундеркиндах. Его первое стихотворение называлось "Голубь мира". После "Голубя" Пикассо это вышла вторая умопомрачительная по силе воздействия на неокрепшие умы "птица".

Над Вашингтоном голубь мира реет и смотрит с вышины, Как час от часа злее Становятся зачинщики войны.

Затем шли два куплета про то, как всю эту сволочь накроют и победят. Финал, естественно, боевой.

Над Вашингтоном голубь мира реет. И как бы говорит с высот, Что вот народ, он всех врагов сильнее, Он мир не просит, он его возьмет.

Вот ведь какой народ у нас был. В результате юное дарование попало в Дом пионеров и выиграло конкурс на лучшие стихи об этом самом Доме. От него, правда, автор помнит лишь финал.

В том доме окна светятся, Друзья в том доме встретятся, Тот дом нам всем родной. Чтоб дружно вырастали мы, Он нам подарен Сталиным, Подарен всей страной.

Нетленку исполнял целый хор на музыку композитора Раухвергера. Юный автор сидел в первом ряду нарядно одетый — в пионерском галстуке и боролся с мамой, которая пыталась его причесать. В этот момент он не был мамин сын, он был автор. Он первый раз выходил на поклон. А через 14 лет у него вышла

Первая книга

В 27 его приняли в Союз писателей, и он считался самым молодым из тех, кто скрипел перьями по бумаге. С приемом в творческий союз тоже вышла прелюбопытная история. Сначала Горина, к тому времени молодого врача, не хотели вообще прини-

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА

мать, так как все его писательское хозяйство состояло в основном из газетных и журнальных публикаций и одного-единственного сборника "Четверо под одной обложкой", где он был одним из четырех. За "малоимущего" автора вступились приличные люди — Борис Полевой, Григорий Бакланов и Борис Балтер, автор знаменитой киноповести "До свидания, мальчики".

Следует заметить, что к тому времени Балтера выгнали из партии за то, что он выступил в защиту писателей Даниэля и Синявского, объявленных советской властью диссидентами.

— С какого вы года в партии? — спросили Балтера.

— С 43-го, — ответил тот.

— Что-то вы задержались в нашей партии, — ответили ему и вышли вон.

И эта самая рекомендация изгоя Балтера тор-мозила принятие молодого автора в профессиональный союз. А вместе с ним и Арканова.

— Ребята, не портите себе биографию, — советовали им битые жизнью люди. — Выступите на правлении и отрекитесь от него.

Ребята собрались в журнале "Юность", где в основном печатались, выпили и трезво порешили действительно не начинать биографию с... предательства. Он не предполагал, что через 33 года войдет в

Интернет

— Хочется чего-то нового. Не хочется становиться на поток, — сказал Григорий Горин и первый в своем поколении ушел в Интернет, где выдает "Невероятные истории Григория Горина". Он стал интерактивным Гориным. Он пытается разобраться с легендами и мифами новой и не очень новой истории. (www.gazeta.ru) Например, действительно ли писатель Мэ Горький встречался с убийцей Пушкина Жэ Дантесом?

Рассказ о том, как встретились Ж. Дантес и М. Горький

Эту историю я слышал в Ялте примерно в году 1970-м на семинаре молодых писателей, одним из руководителей которого был наш прославленный писатель и знаток литературы Виктор Борисович Шкловский.

— А знаете ли, молодые люди, — сказал нам как-то Виктор Борисович, — что убийца Пушкина и Алексей Максимович Горький встретились? И не просто встретились, а вступили в конфликт, переросший в дуэль. Мне об этом поведал сам Алексей Максимович. Хотя и неохотно. Очевидно, ему не очень нравилось вспоминать этот эпизод собственной биографии.

Так вот, Виктор, говорил мне Горький, — говорил нам Виктор Борисович, наседа на "о!" и как бы показывая произношение Алексея Максимовича, — как вы знаете, убийца Пушкина, Жорж Дантес, прожил довольно долгую и благополучную жизнь. Монархист, реакционер, аристократ, барон де Геккерен свою глубокую старость встретил, окруженный многочисленной родней и почитателями. Да, доро-

гой! Очень большая часть общества (и не только французы!) считала, что этот Жорж в конфликте с Пушкиным поступил достойно, защищая честь влюбленной в него Натали, пытаясь утихомирить неоправданный взрыв ревности обманутого мужа (достоверно доказано, что Дантес позже встречался с Натали и ее мужем Ланским и благородно вернул Натали все компрометирующие ее письма).

Меня же лично, дорогой Виктор Борисович, все это раздражало. Я был молодой поэт (хотя считался прозаиком, но стихи писать любил более, чем прозу), и имя Пушкина, как и его моральный облик, было для меня свято. Вдруг, представляете, во время первой своей недолгой поездки в Европу (примерно в 1895-м), в городке под Парижем, в ресторане, меня знакомят с высоким, строго одетым стариком, почетным сенатором. Знакомьтесь, мол, месье барон, это — популярный русский писатель, Максим Горький! Он так чуть улыбнулся, и руку мне протягивает. Я говорю: "Извините, господин хороший, но руку, убившую величайшего русского поэта, яжать не могу!"

Я это тихо сказал и по-русски. Переводчик мой, Андре, смутился, но Дантес, видно, и по-русски кое-что помнил. Он вскопчил и зло ответил (по-французски, но мне перевели): мол, вы — глупый и невоспитанный молодой человек! А что касается моей руки, то она не убивала, а защищала честь. И может это сделать в любом возрасте! Мне тоже, знаете ли, тут вожжа под хвост, кричу: "Я хоть и не дворянин и дуэли ваши считаю барской глупостью, но, как говорится, всегда к вашим услугам, месье! Мой адрес — такой-то!"

И ушел в гостилицу ждать секунданта. Ночь не спал. Не то чтоб боялся, все-таки и в тюрьме сидел, и с босскими в драках ножичками баловался, но ощущение перед дуэлью, да еще перед такой, оно как бы особое. Только под самое утро задремал. Проснулся от стука в дверь. Входит мой переводчик Андре (он вообще-то наш, русский, Андрей, но французился, поскольку жил там долго) и передает послание от Дантеса. Мол, уважаемый господин Горький, я не был с Вами знаком, был взбешен и, несмотря на разность в возрасте и положении, готов был немедленно наказать Вас за дерзость. Но тут мои русские друзья дали мне ознакомиться с Вашими сочинениями, которые привели меня в истинный восторг. Особенно стихи! Даже в переводе они звучат столь чарующе, что я заколебался и понял, что не могу лишиться русскую поэзию ее восхитяющего солнца! В связи с этим наш конфликт прошу считать исчерпанным! Ваш Жорж Дантес.

Честно скажу, я растерялся. С одной стороны звучало как насмешка. Какое я, к черту, "солнце" рядом с Пушкиным? А с другой — может, ему мои стихи и в самом деле очень понравились? Но что есть тогда комплимент поэту от убийцы Пушкина? Дня два я мучился, потом решил, как поступить: записку эту, хвалебно-позорящую, порвал. И с той поры — стихи писать бросил, что и считаю своим вкладом в великую русскую поэзию.

На эту горьковско-дантесовскую интригу Горин получил по Интернету массу откликов. Гражданин из далекой Австралии уверял писателя, что с Дантесом встречался не Горький, а Тургенев, который,

согласно версии другого корреспондента, превратился в Станиславского. Главное, что в эту игру можно включиться немедленно, нажав "мышкой" на одну из трех кнопок: верю, не верю, знаю, как было на самом деле.

А вот еще миф, потребовавший хирургического вмешательства писателя.

О братьях Ульяновых, или "Фрейдистские комплексы на службе мирового пролетариата"

Этот сюжет мне рассказал Николай Павлович Акимов — замечательный режиссер, театральный художник, руководитель Ленинградского театра комедии. Несмотря на специфику его театра, следующую из самого названия, беспартийного Акимова часто вызывали в Ленинградский обком и требовали "усерьезнения репертуара" с точки зрения "партийности, гражданственности, исторической революционности" и прочих малопонятных вещей. Однажды после такой накачки он вдруг и рассказал мне, молодому драматургу, эту историю, начав так:

— Партия требует от меня гражданственности? Пожалуйста! Р-революционность? Готов! Но тогда позвольте рассказать зрителям правду! Например, о братьях Ульяновых! Может быть, пьеса получится почище шиллеровских трагедий. Увлекательнейшего Дюма! Хотите, Григорий, подарю вам этот сюжетец? Правда, за него и посадить могут. И того, кто рассказал, и того, кто слушал.

Он чуть понизил голос (мы сидели в ресторане) и продолжил:

— Рассказ о братьях Ульяновых начну с матери. (С матери в России все начинается и ею же заканчивается.) Так вот, Мария Александровна Ульянова, которую Софья Гиацинтова в пьесе "Семья" всегда играла эдакой непорочной богиней, на самом деле в юности была... как бы помягче... большой гуленой! Впрочем, винить ее за это глупо. Она служила при дворе государя Александра III. А сей монарх отличался повышенной энергией, которую, к сожалению, направлял не на государственное благодеяние, а на фрейлин и дамочек высшего света. Одной из них и была юная Мария. В результате этого флирта родился мальчик, которого нарекли Александром. (Очевидно, из желания порадовать отца.) Но царь быстро потерял интерес к новой фаворитке и незаконнорожденному Сашеньке.

Через некоторое время Мария Александровна родила еще девочку, но уже, кажется, не от Государя. Короче, избегая намеков и слетен, ее решили убрать с глаз долой, выдав замуж за Илью Ульянова, человека не очень здорового и бывшего на крошке у охраны в связи с его нетрадиционной сексуальной ориентацией, что особо преследовалось, как сами понимаете, в области педагогики. Ульянову приказали жениться. В качестве приданого за Марией дали дворянский титул и службу в Симбирске, куда молодожены и были отправлены подальше от царских глаз.

Там вскоре родился Володя, а позже еще трое детей. Отцовство их установить трудно виду веселого нрава Марии Александровны и равнодушия Ильи Николаевича к женскому полу, о чем в Симбирске ходило много сплетен. Естественно, все эти слухи и насмешки травмировали Володю, а старшего брата Александра приводили в бешенство. Неприязнь к отчиму переросла в ненависть к отцу! Поэтому, оказавшись на учебе в Петербурге, он и принял участие в покушении на "царя-батюшку" в прямом смысле этого слова.

Как только до Марии Александровны дошла весть об аресте сына, она бросилась в Петербург и была немедленно принята Государем. (Этот факт истории либо не упоминают, либо не могут внятно объяснить. А если признать наконец, что речь шла о судьбе хоть и нелюбимого, но сына — все становится ясно.) Позднее царь и его бывшая любовница навестили Александра в крепости, умоляли покаяться, уйти в монастырь, но в ответ от юноши слышали лишь проклятия. (Какая сцена этого свидания может быть написана!? Шекспир позавидует.) Поняв, что вся поистыдность случившегося может стать достоянием общества, Государь подписал смертный приговор сыну. (Впрочем, сама казнь не проводилась. По одной из версий, Александр закончил свои дни в одиночке Петропавловки, где кончили свои дни многие незаконнорожденные наследники российского престола от царевича Иоанна до "княжны Таракановой").

Узнав о гибели брата, Володя, очевидно, мог и не произносить свою историческую фразу: "Мы пойдем другим путем!" Благодаря домогательствам отчима "другим" путем он пошел с детства (гомосексуализм Ильича исследуется во многих зарубежных изданиях, могу дать почитать, если заинтересуетесь). Но неприязнь Вождя к женщинам выросла в неслыханную жестокость! Крупская не в счет, это "политический" союз, с Арманд — "поэтически-платонический". А вот Россия-мать получила от него и сводного брата Феликса Эдмундыча по полной программе жестокой садо-мазохистской оргии. Один умный ученый говорил мне: "Философию русской революции надо искать вовсе не в трудах Маркса, а в трудах Фрейда. Только так можно понять, какие сексуально-агрессивные импульсы двигали поступками вождей революции".

Тут Николай Павлович выпил вина, посмотрел на меня, сидевшего с открытым от изумления ртом, чуть улыбнулся и закончил рассказ: "Ученый этот, к сожалению, кончил довольно плохо. Вам же, мой юный друг Григорий, я все-таки желаю добра. Поэтому сейчас пьесу на этот сюжет не пишите! И никому не рассказывайте, пока не наступят лучшие времена. Впрочем, что они когда-нибудь наступят, я вам тоже гарантировать не могу".

Завтра Григорий Горин отбудет в Сан-Франциско, к своему папе. Папе юбилея, между прочим, 95. Легко представить, как отец и сын, которым на двоих 155 лет, сидят в бабачке и выпивают, конечно же... водку. Мы чокаемся с ним по Интернету. Выпиваем за здоровье и творческое долголетие и его невероятную продвинутость. И это уже не мистификация.

Марина РАЙКИНА.